

НИКОЛАЙ ЛЕСКОВ

Язвительный

Рассказ чиновника особых поручений

1

При прежнем губернаторе у нас не позволялось курить в канцелярии. Старшие чиновники обыкновенно куривали в маленькой комнатке, за правительским кабинетом, а младшие — в сторожке. В этом курении у нас уходила большая половина служебного времени. Я и мои товарищи, состоявшие по особым поручениям, не обязаны были сидеть в канцелярии и потому не нуждались вовсе в канцелярских курильных закоулках; но все-таки каждый из нас считал своею обязанностью прийти покоптить папиросным дымом стены комнаты, находившейся за правительским кабинетом. Эта комната была для нас сборным местом, в которое всякий спешил поболтать, посплетничать, посмеяться и посоветоваться.

Один раз, наработавшись вволю над пересмотром только что оконченного мною следствия, я вышел прогуляться. День был прекрасный, теплый, с крыш падали капли, и на перекрестках улиц стояли лужи. Шаг за шагом я дошел до канцелярии и вздумал зайти покурить. Правитель был с докладом у губернатора. В комнате за

правительским кабинетом я застал двух помощников правителя, полицмейстера и одного из моих товарищей, только что возвратившегося с следствия из дальнего уезда. Пожав поданные мне руки, я закурил папироску и сел на окно, ничем не прерывая беседы, начатой до моего прихода. Возвратившийся молодой чиновник особых поручений с жаром рассказывал об открытых им злоупотреблениях по одному полицейскому управлению. В рассказе его собственно не было ничего занимательно-го, и рассказом этим более всех был заинтересован сам рассказчик, веровавший, что в нашей административной организации обнаружить зло — значит сделать шаг к его искоренению. Из помощников правителя один еще кое-как слушал этот рассказ, но другой без церемонии барабанил по окнам пальцами, а полицмейстер, оседлав ногами свою кавалерийскую саблю, пускал из-под усов колечки из дыма и как бы собирался сказать: «Как вы, дитя мое, глупы!»

2

Среди таких наших занятий растворилась дверь, соединявшая комнатку с правительским кабинетом, и правитель проговорил кому-то:

— Вот наш клуб. Прошу вас здесь покурить; а я сейчас отделаюсь и буду к вашим услугам.

В двери показался высокий плотный блондин, лет сорока, в очках, с небольшою лысиною и ласковым выражением в лице.

— Господин Ден,— проговорил правитель, рекомендуя нам введенного им господина.— Господин Ден при-

ехал, господа, с полномочиём князя Кулагина на управление его имениями. Прошу вас с ним познакомиться. Это мои сотрудники N, X, Y, Z,— отрекомендовал нас правитель господину Дену. Начались рукожатия и отрывочные: «очень рад, весьма приятно» и т. д.

Правитель с полицмейстером вышли в кабинет, а мы опять начали прерванный кейф.

— Вы давно в наших краях? — спросил Дена мой молодой товарищ, слышвший за светского человека.

— Я первый раз в здешней губернии, и даже только со вчерашнего дня,— отвечал г-н Ден.

— Да; я не то спросил. Я хотел сказать: вы уже знакомы с нашей губернией?

— Не знаю, как вам сказать,— и да и нет, Я знаком с имениями князя по отчетам, которые мне предъявляли в главной конторе., и по рассказам моего доверителя. Но... впрочем, я полагаю, что ваша губерния то же самое, что и Воронежская и Полтавская, в которых я управлял уже княжескими имениями.

— Ну, не совсем,— отозвался один помощник правителя канцелярии, сливший у нас за политико-эконома.

— В чем же резче всего проявляются особенности здешней губернии? — отнесся к нему Ден.— Я буду много обязан вам за ваши опытные указания.

— Да во многом.

— О, я не смею спорить; но мне бы хотелось узнать, на чем именно я могу споткнуться, если буду держаться здесь системы управления, принятой мною с моего приезда в Россию? Я тех убеждений, что неуклонная система всегда достигает благих целей.

Политико-эконом не ответил на этот вопрос Дену, потому что молодой чиновник перебил его вопросом:

— А вы давно в России?

— Седьмой год, — отвечал Ден.

— Вы... если не ошибаюсь... иностранец?

— Я англичанин.

— И так хорошо говорите по-русски.

— О да. Я еще в Англии учился по-русски, и теперь опять седьмой год изо дня в день с крестьянами; что ж тут удивительного!

— Вы, свыклись и с нашим народом и с нашими порядками?

— Кажется, — улыбаясь, ответил Ден.

— Имения князя в нашей губернии не цветут.

— Да, я это слышал.

— Вам будет много труда.

— Как везде. Без труда ничего не двинешь.

— Может быть, побольше, как в другом месте.

— Ничего-с, Нужна только система. Не нужно быть ни варваром, ни потатчиком, а вести дело систематически, настойчиво, но разумно. Во всем нужна система.

— Где же вы намерены основать свою резиденцию? — спросил политико-эконом.

— Я думаю, в Рахманах.

— Отчего же не в Жижках? Там покойная княгиня жила; там есть и готовый дом и прислуга; а в Рахманах, мне кажется, ничего нет, — заметил молодой чиновник.

— У меня на это есть некоторые соображения.

— Своя система, — смеясь, вставил помощник правителя.

— Именно.

Правитель с шляпой на голове отворил двери и сказал Дену: «Едем-с!»

Мы пожали опять друг другу руки и расстались.

3

Село Рахманы находится в соседстве с Гостомельскими хуторами, где я увидел свет и где жила моя мать. Между хуторами и селом всего расстояния считают верст девять, не более, и они всегда на слуху друг у друга. Заезжая по делам службы в К-ой уезд, я обыкновенно всегда заворачивал на хутора, чтобы повидаться с матушкой и взглянуть на ее утлое хозяйство. Мать моя познакомилась с Стюартом Яковлевичем Деном и с его женою и при всяком свидании со мной, все никак не могла нахвалиться своими новыми соседями. Особенно она до небес превозносила самого Дена.

— Вот,— говорила она,— настоящий человек; умный, рассудительный, аккуратный. Во всем у него порядок, знает он, сколько можно ему издержать, сколько нужно оставить; одним словом, видно, что это человек не нашего русского, дурацкого воспитания!

Другие соседи тоже были без ума от Дена. Просто в половицу у них Ден вошел: «Ден говорит, так-то надо делать; Ден так-то не советует», и только слов, что Ден да Ден. Рассказам и анекдотам про Дена и конца нет. Повествуют, как все отменилось в княжеских имениях с приезда Стюарта Яковлевича, все, говорят, на ноги поднял; даже отъявленных воров, которых в нашем крае урожай, и тех определил в свое дело. Да еще так: самых известных лентяев по-

делал надсмотрщиками по работам; а воров, по несколько раз бывших в остроге, назначил в экономы, в ключники да в ларечники, и все идет так, что целый округ завидует. «Вот,— думаю себе,— дока-то на наших мужиков явился!»

Хотелось мне самому посмотреть на рахманские диковины, да все как-то не приходилось. А тем временем ми-нул год, и опять наступила зима.

4

Вечером 4 декабря жандарм принес мне записку, которою дежурный чиновник звал меня позже, в одиннадцать часов, к губернатору.

— Вы, кажется, здешний уроженец? — спросил меня губернатор, когда я вошел к нему по этому зову.

Я отвечал утвердительно.

— Вы живали в К-ом уезде?

— Я там,— говорю,— провел мое детство. К-ой уезд мое родное гнездо.

— И у вас там много знакомых? — продолжал спрашивать губернатор.

«Что за лихо!» — подумал я, выдерживая этот допрос, и отвечал, что я хорошо знаю почти весь уезд.

— У меня к вам есть просьба,— начал губернатор.— Пишет мне из Парижа князь Кулагин, что послал он в свои здешние имения англичанина Дена, человека сведущего и давно известного князю с отличной стороны, а между тем никак не огребется от жалоб на него. Сделайте милость,— не в службу, а в дружбу, съездите вы в К-ой уезд, разузнайте вы это дело по совести и дайте мне случай поступить по совести же.

Поехал я в город К. в эту же ночь, а к утреннему чаю был у моей матери. Там о жалобах к-ских крестьян на Дена и слуху нет. Спрашиваю матушку: «Не слышали ли, как живут рахманские мужики?»

— Нет, мой друг, не слыхала,— говорит.— А впрочем, что им при Стюарте Яковлевиче!

— Может быть,— говорю,— он очень строг или горяч?

— В порядке, разумеется, спрашивает.

— Сечет, может, много?

— Что ты! Что ты! Да у него и розог в помине нет! Кого если и секут, так на сходке, по мирской воле.

— Может быть, он какие-нибудь другие свои делишки неаккуратно ведет?

— Что ты начать-то хочешь?

— Как,— говорю,— он к красненьким повязочкам равнодушен ли?

— О, полно, сделай милость,— проговорила мать и плюнула.

— Да вы чего, матушка, сердитесь-то?

— Да что ж ты глупости говоришь!

— Отчего же глупости? Ведь это бывает.

— Подумай сам: ведь он женатый!

— Да ведь, родная,— говорю,— иной раз и женатому невесть что хуже холостого снится.

— Эй! поди ты! — опять крикнула мать, плохо скрывая свою улыбку.

— Ну чем женибудь он да не угодил на крестьян?

— Что, мой друг, чем угождать-то! Они галманы были, галманы и есть. Баловство да воровство — вот что им нужно.

5

Объехал два, три соседние дома,— то же самое. На Николин день в селе ярмарка. Зашел на поповку, побеседовал с духовными, стараясь между речами узнать что-нибудь о причинах неудовольствия крестьян на Дена, но от всех один ответ, что Стюарт Яковлевич — такой управитель, какого и в свете нет. Просто, говорят, отец родной для мужика. Что тут делать? Верно, думаю себе, в самом деле врут мужики.

Так приходилось ни с чем и ехать в губернский город.

В городе К. я заехал, без всякой цели, к старому приятелю моего покойного отца, купцу Рукавичникову. Я хотел только обогреться у старика чайком, пока мне приведут почтовых лошадей, но он ни за что не хотел отпустить меня без обеда. «У меня,— говорит,— сегодня младший сынок именинник; пирог в печи сидит; а я тебя пущу! И не думай! А то вот призову старуху с невестками и велю кланяться».

Надо было оставаться.

— Тем часом пойдем чайку попьем,— сказал мне Рукавичников.

Нам подали на мезонин брюхастый самовар, и мы с хозяином засели за чай.

— Ты что, парень, был у нас волей, неволей или своей охотой? — спросил у меня Рукавичников, когда он запарил чай и покрыл чайник белым полотенцем.

— Да и волей, и неволей, и своей охотой, Петр Ананьич,— отвечал я.

Я знаю, что Петр Ананьич человек умный, скромный и весь уезд знает как свои пять пальцев.

— Вот,— говорю,— какое дело, и пустое, да и мудреное,— и рассказал ему свое поручение.

Петр Ананьич слушал меня внимательно и во время рассказа несколько раз улыбался; а когда я кончил, проговорил только:

— Это, парень, не пустое дело.

— А вы знаете Дена?

— Как, сударь, не знать!

— Ну, что о нем скажете?

— Да что ж о нем сказать? — проговорил старик, разведя руками,— хороший барин.

— Хороший?

— Да как же не хороший!

— Честный?

— И покору ему этим нет.

— Строг уж, что ли, очень?

— Ничего ни капли не строг он.

— Что ж это, с чего на него жалуются-то?

— А как тебе сказать... очень хорош,— похуже надо, вот и жалобы. Не по нутру мужикам.

— Да отчего не по нутру-то?

— Порядки спрашивает, порядки, а мы того терпеть не любим.

— Работой, что ли, отягощает? — все добиваюсь я у Рукавичникова.

— Ну какое отягощение! Вдвое против прежнего им теперь легче... А! да вот постой! вон мужичонко рахмановский чего-то приплелся. Ей! Филат! Филат! — крикнул в форточку Рукавичников.— Вот сейчас гусли заведем,— прибавил он, закрыв окно и снова усевшись за столик.

В комнату влез маленький подслеповатый мужичок с гноющимися глазками и начал креститься на образа.

— Здравствуй, Филат Егорыч! — сказал Рукавичников, дав мужику окреститься.

— Здравствуй, батюшка Петр Ананьич.

— Как живешь-можешь?

— Ась?

— Как, мол, живешь?

— А! Да все ела те богу живем.

— Дома все ли здорово?

— Ничего будто, Петр Ананьич; ничего.

— Всем, значит, довольны?

— Ась?

— Всем, мол, довольны?

— И-и! Чем довольными-то нам быть.

— Что ж худо?

— Да все бог его знает; будто как не вольготно показывается.

— Управитель, что ль, опять?

— Да, а то кто ж!

— Аль чем изобидел?

— Вот завод затеял строить.

— Ну?

— Ну и в заработки на Украину не пускает.

— Никого?

— Ни одного плотника не пустил.

— Это нехорошо.

— Какое ж хорошество! Барину жалились, два прошения послали, да все никакой еще лизирущии нет.

— Поди ж ты горе какое! — заметил Рукавичников.

— Да. Так вот и маемся с эстаким с ворогом.

— Видите, какой мошенник ваш Ден! — сказал, обратаясь ко мне, Рукавичников.

Мужик в меня воззрился.

— А вот теперь я вам расскажу,— продолжал мой хозяин,— какой мошенник вот этот самый Филат Егорыч.

Мужик не обнаружил никакого волнения.

— Господин Ден, ихний управляющий, человек добрейшей души и честнейших правил...

— Это точно,— встрел мужичок.

— Да. Но этот господин Ден с ними не умеет ладить. Все какие-то свои порядки там заводит; а по-моему, не порядки он заводит, а просто слабый он человек.

— Это как есть слабый,— опять подсказал мужичок.

— Да. Он вот у них другой год, а спросите: тронул ли он кого пальцем? Что, правду говорю или вру?

— Это так.

— Вот изволите видеть, им это не нравится. Наказания его все мягкие, да и то где-где соберется; работа урочная, но легкая: сделай свое и иди куда хочешь,

— Ступай, значит.

— Что?

— Сделаемши свое,— ступай, говорю, куда хочешь,— повторил мужичок.

— Да. Ну-с, а они вот на него жалобы строчат.

Мужик молчал.

— Ну а на заработки-то он их зачем же не пускает? — говорил я.

— Не пускает-с, не пускает. А вы вот извольте спросить Филата Егоровича: много ли ему его сыно-

чек за два года из работы принес. Расскажи-ка, Филат Егорыч.

Мужичок молчал.

— А принес ему, сударь мой, его сыночек украинскую сумку, а в ней сломанную аглицкую рубанку, а молодой хозяйке с детками французский подарочек, от которого чуть у целой семьи носы не попроваливались. Вру, что ль? — опять обратился Рукавичников к мужичку.

— Нет, это было.

— Да, было. Ну-с, а Стюарт Яковлевич задумал завод винный построить. Я его за это хвалю; потому что он не махину какую заводит, а только для своего хлеба, чтоб перекурить свой хлеб, а бардой скотинку воспитать. Приходили к нему разные рядчики. Брали всю эту постройку на отряд за пять тысяч, он не дал. Зачем он не дал?

— Мы этого знать не можем, — отвечал Филат Егорыч.

— Нет, врешь, брат, знаешь. Он вам высчитывал, что с него чужие просят за постройку; выкладывал, почем вам обходится месяц платою у подрядчика, и дал вам рублем на человека в месяц дороже, только чтоб не болтались, а дома работали.

— Это такая говорка точно была.

— Ть-то, а не не можем знать. Ну а они вот теперь небось настрочили, что на работу не пускает, все на заводе морит; а насчет платы ни-ни-ни. Так, что ль?

— Не знаю я этого.

— Да уж это как водится. Вот вам и Филат Егорыч, старый мой друг и приятель! Любите-жалуйте его.

Мужичок ослабился.